

**МЕРЫ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА ПО ИНТЕРИОРИЗАЦИИ
ХРИСТИАНСТВА В КУЛЬТУРУ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ СЛУЖЕНИЯ МИТРОПОЛИТА ИННОКЕНТИЯ)**

А. И. ПОСПЕЛОВА

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия

С. В. ПОСПЕЛОВА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Все достижения РПЦ по интериоризации коренного населения Северо-Востока России были нивелированы политикой воинствующего атеизма в XX в. Несмотря на проявление определённого интереса к религии в перестроечные годы, российский Северо-Восток (как и весь Дальний Восток) к началу 1990-х годов продолжал оставаться самым секулярным регионом страны, и значительная часть его населения не имела опыта «жизни в Боге». Принятие Федерального закона «О свободе вероисповеданий» (1990) привело к тому, что российский Дальний Восток в 1990-е годы становится одним из излюбленных мест работы иностранных миссионеров, прибывающих в регион из США, Республики Кореи, Японии, Австралии, Новой Зеландии, Канады, КНР и других стран. Значительная часть миссионеров, работающих на Дальнем Востоке России, были представителями протестантских и католических религиозных организаций. Их деятельность строилась, в основном, на материальной помощи иностранных миссионеров и миссионерских организаций местным протестантским общинам (баптистов, евангельских христиан, христиан веры евангельской (пятидесятников) и адвентистов седьмого дня) и способствовала тому, что дальневосточные протестанты смогли в 1990-е годы не только начать массовую евангелизацию населения Дальнего Востока, но и добиться в этом значительных успехов, обогнав по количеству религиозных общин Русскую православную церковь. РПЦ начала свою миссионерскую деятельность в конце 80-х годов и ставила перед собой основную задачу: возрождение епархии на канонической территории. Далее задачи и цели миссионерской деятельности были разными: координация миссионерской деятельности на приходах Магаданской епархии; миссионерские поездки по отдалённым посёлкам Магаданской области; информационно-просветительская деятельность в светских и епархиальных СМИ, направленная на противодействие деструктивным культам и тоталитарным сектам; беседы с людьми, пребывающими в местах лишения свободы; формирование библиотек духовно-нравственной направленности на приходах епархии, в исправительных и социальных учреждениях региона; проведение миссионерской работы в высших и средних учебных заведениях, силовых структурах, на предприятиях и в рамках общественных объединений; ведение апологетической миссии через личные встречи с адептами сект; распространение просветительских листовок. Практика нулевых годов XXI века показала, что у протестантских миссий деятельность была более успешна среди именно

коренных малочисленных народов Северо-Востока. Причем, чем более эти народы жили в архаической традиции хозяйствования, чем более у них сохранились шаманизм и анимизм, тем успешнее была деятельность именно протестантов (евангельских христиан пятидесятников).

Священнослужитель РПЦ в Северо-Эвенске (национальный поселок в Магаданской области) Агафангел говорит об особенностях богослужебной деятельности пятидесятников, которая самым непосредственным образом отражается на результативности миссионерства среди коренных жителей: «Миссия, понимаемая как молитвенное “житие вместе”, куда результативнее академической проповеди. Святитель Иннокентий, апостол Сибири, начал свою деятельность на Алеутских островах с того, что научил аборигенов сажать огороды и плотничать. Нужно просто жить там. Жить заботами и радостями этих людей и честно исполнять свою службу» [1, л. 11].

Народности Северо-Востока, вследствие особенности положения, в котором они оказались после включения в состав Русской империи, не утратили свою историческую самобытность и в основном сохранили присущую им картину мира и традиционные религии. Они в разной мере подвергались христианизации, которая в основном носила миролюбивый характер. Историю христианизации Северо-Востока России и русской Америки следует рассматривать с конца XVII века.

Недостаточность традиционных форм работы Церкви с православным населением Российской империи была определена уже в «Духовном регламенте» 1721 года [26, с. 6]. В нём впервые на государственном уровне была поставлена задача по глубокой интериоризации православия в среду иноверцев. Кроме того, в качестве одного из направлений деятельности церкви и государства было оставлено усиление контроля за благочинием как мирян, так и клириков, следствием чего стала активная борьба с сектантством и суевением. Особо следует отметить единство в церковно-государственных отношениях по этому вопросу и их общую высокую активность при его решении [24, с. 443–446].

Начало миссионерской деятельности на Северо-Востоке не было эффективной, так как чукчи, коряки и эскимосы социально, культурно и гносеологически не были готовы принять идею монотеизма. Затрудняло внедрение христианства и способствовало сохранению традиционной картины мира, в первую очередь, закрепленная в веках традиционное хозяйствование, которое прекрасно было приспособлено к тяжелейшим условиям Севера. Затрудняли миссионерскую работу такие обстоятельства, как кочевой образ жизни (чукчи и коряки-оленеводы); отдаленность селений и стойбищ от административных и миссионерских центров; отсутствие миссионерских кадров, знающих автохтонные языки; неприспособленность христианства к духовным потребностям рассматриваемых народов, так как христианство не имело «божеств» и культов, «охраняющих» оленей или приносящих удачу в промысле. Характерным примером служит мотивация старшины корякских селений креститься, приведенная митрополитом Иннокентием (Вениаминовым). «Коряки, – писал он, – не хотят переменить веры своих отцов, не хотят оставить путь, который они им проложили...Тоем Каменский сказал, что если они окрестятся, то у них не будет китов, ни рыбы...» [13, с. 128].

Одной из приоритетных форм работы являлось распространение религиозной литературы, что относилось в первую очередь к Священному Писанию. На Севере Тихоокеанского региона особая активизация этой деятельности связана с именем И. Вениаминова. Уже в уналашкинский период, на основе им же созданной алеутской письменности, он переводит для местного населения Катехизис, существенно им переработанный, Евангелие от Матфея и «Указание пути в Царствие Небесное». Последнее сочинение получило особое одобрение Синода, было переведено на славянский и русский языки и выдержало 47 изданий (из них только с 1839 по 1881 гг. – 22) [13, с. 108, 116]. Фактически оно являлась введением в основы христианского вероучения. Одним из безусловных её достоинств были простота и доступность, а как следствие – популярность [13, с. 250]. После посвящения в епископский сан, Иннокентий выступил в качестве организатора и координатора усилий на епархиальном уровне по переводу и изданию религиозной литературы на языках народов Северо-Востока Азии и Русской Америки. Большое значение в этом контексте, имела работа Д. Хитрова, составившего грамматику якутского языка, и С. Попова, создавшего эвенскую письменность. Параллельно на эти языки активно переводилась религиозная литература. При этом серьёзной проблемой становилось отсутствие необходимых понятий в лексике коренных народов [13, с. 238]. Настойчивость специально созданного комитета позволила преодолеть возникшие трудности. Помогло и привлечение испытанных переводчиков из числа местного населения. Результатом стал перевод к 1858 г. только на якутский язык: 1) всех книг Нового завета, исключая «Апокалипсис»; 2) двух книг из Старого – Бытия и Псалтыри; 3) трёх богослужебных – служебника с требником, канонника, часослова; 4) нескольких поучений, в том числе «Указания пути...» [18]. В дальнейшем переводами на якутский занимались священники Д. Попов и П. Попов, на алеутский – св. И. Маятников, на тлинкитский – св. И. Надеждин [9, л. 9]. В начале XX в. над переводами на эвенский язык работал иеромонах Н. Анисимов [22]. При отсутствии же у прихожан достаточного количества Библий и Евангелий находили широкое применение печатаемые епархиальными типографиями пастырские послания, объяснения, поучения и проповеди [6, л. 42 об.].

Пристальное внимание Иннокентий при печати книг уделил вопросам их долговечности. В своем письме к К. С. Сербиновичу от 10.01.1857 г. он писал: «... а) Я бы желал, чтобы все книги, назначенные для употребления в церквях, были напечатаны не на простой бумаге, а на проклеенной, иначе они скоро изобьются и преждевременно, т. е. без надлежащего исправления, потребуют нового издания. б) Относительно переплёта книг покорнейше прошу ваше высокопревосходительство приказать переплестать их на по французски, ... , а по нашему старинному, т. е. с верёвочками на корешке.. Иначе, нам показывает опыт, книги скоро разобьются ...» [12, с. 407].

Не оставлял Иннокентий своим вниманием эту работу и на посту митрополита Московского и Коломенского. В созданном им в 1869 году Уставе миссионерского общества в качестве одной из его задач указывалось: перевод, издание и распространение таких книг. Поступали они и в церкви региона, как для пополнения их библиотек, так и для продажи местному населению [3, л. 62; 7, л. 139].

Созданные И. Вениаминовым, или при заботливом его внимании, они до начала XX в. составляли основу корпуса религиозной литературы на языках народов края.

Самое широкое распространение во второй половине XIX в. получили церковные периодические издания. Значительная их часть была рассчитана на прихожан. Доступность таких газет и журналов, простота изложения и специфический материал, по большей части религиозного, назидательного характера, должны были содействовать закреплению норм и предписаний религии в народном сознании. В ряде случаев отдельные образцы такой периодики специально рекомендовались консисториями к выписке, иногда епархиальная администрация даже брала её на себя [7, л. 31, 35, 36, 151]. В библиотеки церквей региона поступали «Церковные» и «Епархиальные ведомости», журналы «Странник», «Воскресный день», «Деятель», «Приходская жизнь», «Отдых христианина», «Миссионерское обозрение» и другие [2, л. 25; 7, л. 35, 130; 8, л. 81].

Важное место в приобщении к православию занимало катехизическое образование. Необходимость катехизиса начала отмечаться уже с началом XVIII столетия. На общегосударственном уровне он начал успешно решаться уже во второй половине XVIII в.

Появление подобной литературы в регионе, как показано выше, было связано с именем святителя Иннокентия. Однако её одной было явно недостаточно, в местных специфических условиях, когда большая часть населения не умели ни читать, ни писать, отсутствовали соответствующие переводы на языки ряда народов. Как следствие особое значение приобретала «проповедь-толкование». Только так неопиты могли действительно познакомиться с новым вероучением. Отсюда забота местного церковного начальства о катехизических поучениях, содержание которых составляли наиболее простые и важные правила православия [9, л. 13; 3, л. 75, 75а]. Камчатская епархия стала второй в России, где последние были вменены в обязанности клириков, что отчасти связано и с приверженностью к ним самого Камчатского епископа [3, л. 1]. Главным способом такого образования стала беседа, основным материалом изучения – молитвы [12, с. 225–226]. По мысли Иннокентия обучение можно было начинать с двух лет [12, с. 231]. В качестве результата планировалось закрепление христианства в сознании местного населения. Уже с 1841 г. распоряжением Камчатской консистории катехизические школы создаются при американских церквях и Камчатском Петропавловском соборе [3, л. 4]. С 1844 г. эта практика получает признание в остальных приходах епархии [9, л. 13]. В январе 1844 г. и сам Иннокентий стал наставлять детей закону Божьему в своей домовой церкви.

Он же первым начал обучать ему девочек, что, в целом, по епархии получило распространение с 1859 г. [13, с. 274]. К 1850 г. такая работа началась при 18 церквях (из 22), общее количество слушателей достигало не менее 400 человек, а с учетом изучавших православие в училищах и школах увеличивалось до 600 [13, с. 275]. Такие занятия проводились от одного до двух раз в неделю [13, с. 208], в основном их посещали мальчики, хотя не возбранялось присутствие всех желающих. В зимнее время, как правило, происходило увеличение контингента [10, л. 35]. Важным представляется то, что ориентированы такие поучения были, в первую очередь, на детей [6, л. 42]. Продолжали они

оставаться непременным атрибутом кафедральных соборов края и во второй половине XIX в. Более того, произошло расширение используемых для наставления в христианском вероучении, форм работы. Стали широко использоваться внебогослужебные собеседования и чтения [9, л. 13]. Следует отметить и продолжение попыток архиереев ввести таковые во всех храмах края [3, л. 4].

Для преодоления слабого интереса к ним, что отмечалось самими епископами, был выработан комплекс мер. Среди них стремление к использованию светской власти. Уже И. Вениаминов требовал её содействия, введения различных взысканий с родителей, не посылающих своих детей в такие школы [12, с. 275]. Помощь местной администрации действительно могла сыграть свою роль, во всяком случае, в увеличении контингента обучаемых. Примером может служить результат специального распоряжения охотского портового начальника [12, с. 276]. Однако, осознавая недостаточность и низкую эффективность такого стимула к обучению, епархиальное начальство старалось заботиться об удобстве слушателей, стремилось создать неформальную обстановку на занятиях, для чего рекомендовалось переносить такие беседы из церквей в дома [3, л. 4]. Основной упор делался на более понятные и интересные для местного населения исторические рассказы из Ветхого и Нового заветов [9, л. 13]. В комплексе эти меры позволяли сформировать такие условия, которые обеспечивали достаточно глубокое восприятие православия.

Не менее важным элементом являлось создание такой проповеди, которая была бы понятна и доступна верующим. Особо актуальным этот вопрос был для Севера тихоокеанского региона, в условиях не только иноязычия его населения, но и большого количества диалектов у отдельных языков. Таким образом, вставала задача создать проповедь, доступную аборигенам в лингвистическом отношении, что являлось весьма непростой задачей в условиях серьезных культурных, знаковых барьеров. Следовательно, особую важность приобретало знание миссионерами и священниками языков народностей края, что ими прекрасно осознавалось. Выше уже отмечались попытки со стороны церкви и государства способствовать формированию кадров, ориентирующихся в культуре местного населения. С этого момента национальные языки активно вторгаются в богослужение, облегчая как миссионерство, так и окормление паствы.

Традиционно обязательная архиерейская проповедь также велась и на местных языках [16, с. 229]. Многие архиереи епархий региона старались следовать этой традиции, воспринимая ее как один из способов воздействия на подчиненное им духовенство. Таким образом, создавалась ещё одна предпосылка для интегрирования христианства в культуру народов Севера.

На всем протяжении XIX в. церковь стремилась придать такие организационные формы своей деятельности, которые бы обеспечили её успех. Это находило свое отражение в предложениях по реорганизации приходов, расширении числа церквей. Главным критерием предполагаемых изменений становилось удобство сообщения прихожан со своей церковью, а не их количество, что входило в противоречие с действующими законоустановлениями, четко определявшим размер прихода в 400–800 душ мужского пола [28, с. 19–20]. В соответствии с действующим церковным законодательством, за исключением случаев крайней необходимости, прихожане были обязаны совершать требы у своего священника. Однако кочевая жизнь населения края приводила к частым

нарушениям этого правила, с чем церковь вынуждена была мириться, хотя это создавало определенные неудобства для настоятелей при составлении отчетов и вынуждало их вести между собой соответствующую переписку [6, л. 70]. Но при этом перевод мирян в другой приход осуществлялся по разрешению благочинного [3, л. 58, 58 об.]. В повышении качества работы по окормлению паствы сыграло свою роль и строительство храмов по просьбам аборигенов, в удобных для них местах. Значительное количество часовен также позволяло священникам в ходе объездов подчиненной территории совершать богослужения. Однако при этом обеспечить действительно высокую эффективность своей деятельности РПЦ всё же не удалось. Значительные территории приходов, отсутствие дорог, мобильность местного населения, сложные природно-климатические условия и недостаток церквей приводили к тому, что в отдаленных поселениях или стойбищах священнослужители появлялись раз в три-четыре года [11, л. 46].

Предметом особой заботы церкви и государства являлись меры по охране веры и благочестия. Собственно, это была характерная черта синодального периода. Она ярко проявилась уже в правление Петра I, предписавшего священникам нарушать тайну исповеди, если это было в интересах государства. Последствием такой политики стало формирование весьма оригинальных элементов в сознании духовенства. «...У места и полезен надзор благочинных, которые ныне ничто иное, как духовные полицмейстеры...», – писал И. Вениаминов [12, с. 228]. В не меньшей степени в поддержании веры и благочестия была заинтересована и церковь, жестко каравшая за преступление против религии. И хотя великое отлучение, анафема, находила ограниченное применение, различного рода епитимии и покаяния в качестве наказания для мирян использовались достаточно часто. Таким образом, контроль касался в равной степени духовенства и прихожан.

Актуальность этой проблемы для Северо-Востока Азии и Русской Америки объяснялась тем, что большинство их населения составляли неопиты, зачастую не порывавшие связи с традиционными культами [20, с. 104–105]. На сохранение ими своих верований указывали сами архиереи [24, с. 239]. В условиях достаточно частого восприятия в основном обрядовой стороны православия любое внешнее воздействие (эпидемия, голод) могло стать толчком к отпадению от него. Впрочем, иногда это воспринималась и как кара за обращение к шаманству [4, л. 99, 100].

Большое значение имел духовный надзор за русским населением края, как клириками, так и мирянами. Его поведение, с точки зрения религиозных норм, часто было не менее предосудительным и простиралось вплоть до игнорирования важнейших церковных установлений. В таких условиях у аборигенов не только не вырабатывалось почтения к христианству, но зачастую не формировался к нему какой-либо интерес. «Покажи, батюшка, хоть одного русского человека, который живёт по-христиански?» [24, с. 239] – говорил один из богатейших коряков Евъятгин священнику Н. Анисимов, отказываясь креститься. Положение осложнялось не всегда высоким моральным обликом местных причтов. Местные архиереи вынуждены были использовать все возможные меры воздействия на подчиненных им прихожан и духовенство.

В целом, государство строго стояло на охране интересов православия. В частности, это касалось соблюдения религиозных предписаний. Уже в 1716 году

последовало распоряжение правительства об обязательности исповеди, затем многократно подтвержденное. Оно сопровождалось введением специальных «исповедальных ведомостей». В них отражались не только количественные показатели бывших и не бывших на исповеди, но и указывалось на причины отсутствия последних. Специальной строкой в каждом епархиальном отчете и отчётах благочинных прописывалось благочестие окормляемой паствы, выполнение прихожанами религиозных предписаний, что позволяло осуществлять постоянный и строгий контроль. Имеющиеся документы подобного рода ещё раз позволяют подтвердить тезис о достаточно глубоком, хотя возможно и формальном, восприятии новой веры. Большая часть не исповедовавшихся, как правило, имела уважительные причины, которым относился (кроме малолетства, переезда) кочевой характер жизни.

Особые меры были приняты для обеспечения воспитания детей в соответствии с христианскими правилами. В случае крещения ребёнка, при иной вере родителей, последние должны были его воспитывать в православной вере, что заверяли письменно. Возлагались на них такие же обязательства при браке, в случае если один из членов семьи был иноверующим [5, л. 110, 110 об.].

Таким образом, для укрепления положения РПЦ на территории севера Тихоокеанского региона в XIX в., аппаратом государства и самой церкви применялись разнообразные методы. Среди них: 1) распространение религиозной литературы и периодики, в том числе и на языках народов Севера; 2) широкое распространение катехизического обучения; 3) создание доступной для местного населения в лингвистическом отношении проповеди; 4) поиск организационных форм работы соответствующих условиям края; 5) введение мер по охране веры и благочестия. Их эффективность была различной, но в комплексе они обеспечивали достаточное качество проводимой работы по интериоризация православия в культуру коренных народностей.

Литература

1. Архив Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ). – Ф. 2. – Оп. 12. – Л. 11–18.
2. Областное государственное казённое учреждение «Государственный архив Магаданской области» (ОГКУ «ГАМО»). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 1–2, 25, 84, 96.
3. ОГКУ «ГАМО». – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 1, 4, 58, 58 об., 62, 75, 75а.
4. ОГКУ «ГАМО». – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 99, 100.
5. ОГКУ «ГАМО». – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 110–110 об.
6. ОГКУ «ГАМО». – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 42, 42 об., 70.
7. ОГКУ «ГАМО». – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 31, 35, 36, 130, 139, 151, 179.
8. ОГКУ «ГАМО». – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 81.
9. Российский государственный исторического архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 29. – Л. 9, 13.
10. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 406. – Л. 35.
11. Архивный отдел Администрации Тенькинского городского округа Магаданской области Тенькинский муниципальный архив. – Ф.Р. 15. – Л. 46

12. Барсуков, И. П. Творение Иннокентия, митрополита Московского / И. П. Барсуков. – Кн. 2. – М., 1887. – С. 128.
13. Барсуков, И. П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников / И. П. Барсуков. – М. : ФИРМА АЛЕСЯ, 1997. – С. 414–418.
14. Болховитинов, Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799 / Н. Н. Болховитинов. – М. : Международ. отношения, 1991. – 304 с.;
15. Болховитинов, Н. Н. Русско-Американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867 / Н. Н. Болховитинов. – М. : Наука, 1990. – 368 с.
16. Гринёв, А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки, 1741–1867 гг. / А. В. Гринев : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.07. – Москва, 1987. – 267 с.
17. Дзенискевич, Г. И. Православные миссионеры на Аляске. Введение / Г. И. Дзенискевич // Русская Америка : По личным впечатлениям миссионеров, исследователей и других очевидцев. – М. : Мысль, 1994. – 191 с.
18. Жуков, Н. Н. Деятельность РПЦ на С.-В. Азии и в Русской Америке в XIX в. (к вопросу о степени изученности) / Н. Н. Жуков // Северо-Восток России : проблемы экономики и народонаселения; Расшир. Тез. докл. регион. науч. конф. : «Северо-Восток: прошлое, настоящее, будущее». – Магадан : «Северовостокзолото», 1998. – Т. 2. – С. 165–166.
19. Зыбин, Н. Эвены и христианство / Н. Зыбин // Маяк Севера. – 1992. – 2 июля.
20. Замечания В. М. Головина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах // Материалы для истории русских заселений по берегам восточного океана. – 1861. – № 2. – С. 104–105.
21. Смолич, И. К. История русской церкви 1700–1917 / И. К. Смолич. – История русской церкви. – Кн. 8. – Ч.1. – М. : Изд. Спасо-Преображенского валаамского монастыря, 1996. – 136 с.
22. История Сибири / История Сибири в 5 т. – Т. 2. – Л. : Наука, 1968. – С. 168–288.
23. Лесняков, В. Ф. Проблемный взгляд на состояние народного образования на Охотском побережье: до и после Октябрьского переворота / В. Ф. Лесняков, Н. И. Герасимова // Исторические аспекты Северо-Востока России : экономика, образование, колымский ГУЛаг. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 7–29.
24. Нестор (Анисимов). Моя Камчатка. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – 239 с.
25. Русское православие : вехи истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с.
26. Сафронов, Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил / Ф. Г. Сафронов. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. – 192 с.
27. Смолич, И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 / И. К. Смолич. – М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Т. 1 – 800 с; Т. 2 – 800 с.
28. Хаховская, Л. Н. Деятельность РПЦ на Охотском побережье (XIX — нач. XX вв.) / Л. Н. Хаховская // Магадан : годы, события, люди : тезисы докл. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию г. Магадана, Магадан, 15–16 июля 1999 г. – Магадан, 1999. – С. 19–20.

Современная миссионерская деятельность разных конфессий требуют анализа успешной деятельности РПЦ на Северо-Востоке в историческом прошлом. Народности Северо-Востока вследствие особенности положения, в котором они оказались после включения в состав Русской империи, не утратили свою историческую самобытность и в основном сохранили присущую им картину мира и традиционные религии. Однако с конца XVII в. они подвергались христианизации, которая носила миролюбивый характер. Церковь была озабочена как проповедью веры, так и организацией своей деятельности в таких формах, которые бы соответствовали запросам и устремлениям верующих разных национальностей и «базовых вероисповеданий». Одной из приоритетных форм работы являлось распространение религиозной литературы, что относилось в первую очередь к Священному Писанию. На Севере тихоокеанского региона особая активизация этой деятельности связана с именем И. Вениаминова. Уже в уналашкинский период, на основе им же созданной алеутской письменности, он переводит для местного населения Катехизис, существенно им переработанный, Евангелие от Матфея и знаменитое «Указание пути в Царствие Небесное». Поучение отца Иоанна – не только замечательный памятник церковного слова, но и введение в основы христианского вероучения.

Contemporary missionary activity of various denominations requires analysis of the successful activities of the Russian Orthodox Church in the Northeast in the historical past. The peoples of the Northeast, because of the particular situation in which they found themselves after their incorporation into the Russian Empire, did not lose their historical identity and largely retained their inherent worldview and traditional religions. In the late 17th century, however, they were converted to Christianity, which was peaceful in nature. The Church was concerned both with the preaching of the faith and with organizing its activities in ways that would meet the needs and aspirations of believers of different nationalities and "basic faiths. One of the top-priority activities was the distribution of religious literature, which primarily concerned the Holy Scriptures. In the North Pacific, a special activation of this activity is associated with the name of I. Veniaminov. Already in the Unalashki period, using the Aleut written language which he himself created, he translated for the local population the Catechism, which he considerably revised, the Gospel of Matthew, and the famous "Instruction to the Kingdom of Heaven. Father John's homilies are not only a remarkable monument to the word of the church, but also an introduction to the foundations of Christian doctrine.